Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (27), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+93/94
ББК 83.3(2=411.2)+63.3(2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63
https://elibrary.ru/NSNAHI

© 2024. Николай Подосокорский
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

© 2024. Nikolay N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Nikolay Karamzin's *History* in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6310-1579
E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00258 «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Аннотация: Статья посвящена роли «Истории государства Российского» (1818–1829) Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868–1869). Этот историко-литературный труд оказал значительное влияние на формирование мировоззрения Достоевского еще в детстве, но и во взрослом возрасте писатель высоко ценил многотомное сочинение Карамзина, имел его в своей домашней библиотеке, а, по свидетельству знакомых, знал его «почти наизусть». Доказывается, что упоминание в начальной сцене «Идиота» «Истории» Карамзина необходимо рассматривать в контексте всплеска общественного интереса к Карамзину, связанного с торжествами по случаю столетия со дня рождения историка, отмечаемого в России в декабре 1866 года (этот интерес не

ослабел и в последующие годы, когда создавался и издавался роман «Идиот»). Образ Карамзина рядом русских литераторов и общественных деятелей второй половины 1860-х годов (в частности, близким к Достоевскому в тот период критиком Н.Н. Страховым) воспринимался как моральный ориентир для современников и идеал «прекрасного человека», что перекликается с образом князя Льва Мышкина, к которому и обращен призыв чиновника-всезнайки Лукьяна Лебедева — погрузиться в чтение «Истории» Карамзина. Уточняются и дополняются наблюдения других исследователей, писавших ранее о связи «Идиота» Достоевского и «Истории» Карамзина. Отдельное внимание уделено сопоставлению с «Идиотом» автобиографической повести Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1802–1803), главного героя которой, как и героя романа Достоевского, зовут Леоном (и оба персонажа наделены чертами Дон Кихота).

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Идиот», книга в книге, «История государства Российского», 100-летие Карамзина, князь Мышкин, Успенский собор в Москве, «Рыцарь нашего времени».

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* «История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00258 “The Role and the Image of Books in F.M. Dostoevsky’s Novel *The Idiot*” (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Abstract: The article explores the influence of Nikolay Karamzin’s *History of the Russian State* (1818–1829) on Fyodor Dostoevsky’s novel *The Idiot* (1868–1869). Karamzin’s historical and literary work significantly shaped Dostoevsky’s worldview from childhood and remained highly valued by him in adulthood. Dostoevsky owned a copy of Karamzin’s multi-volume work in his library and, according to acquaintances, knew it “almost by heart.” The article demonstrates that the mention of Karamzin’s *History* in the opening scene of *The Idiot* should be understood in the context of the heightened public interest in Karamzin during the centenary of his birth, celebrated in Russia in December 1866. This interest persisted during the years when *The Idiot* was written and published. Karamzin was regarded by several Russian writers and public figures in the late 1860s, including critic Nikolay Strakhov, who was close to Dostoevsky at that time, as a moral guide for contemporaries and as an ideal of a “beautiful man.” This image resonates with that of Prince Lev Myshkin, to whom the know-it-all official Lukyan Lebedev advises immersing oneself in Karamzin’s *History*. The article also clarifies and supplements previous research on the connection between Dostoevsky’s *The Idiot* and Karamzin’s *History*. Special attention is given to

comparing *The Idiot* with Karamzin's autobiographical novel *A Knight of Our Time* (1802–1803), whose main character, like Dostoevsky's hero, is named Leon and shares Don Quixote-like qualities.

Keywords: Nikolay Karamzin, *The Idiot*, book in the book, *History of the Russian State*, 100th anniversary of Karamzin, Prince Myshkin, Assumption Cathedral in Moscow, *A Knight of Our Time*.

For citation: Podosokorsky, N.N. "Nikolay Karamzin's *History* in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

Самая первая книга, непосредственно упомянутая в романе «Идиот», не просто является известным историко-литературным сочинением XIX века, но относится к базовым текстам русской культуры Нового времени, значительно повлиявшим и на русское национальное самосознание, и на формирование русского литературного языка, и на мировосприятие самого Достоевского еще в детстве. Речь идет о фундаментальной 12-томной «Истории государства Российского» (1818–1829) русского писателя и историка Н.М. Карамзина (1766–1826), о котором А.С. Пушкин писал, что «древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом» [Пушкин, 1977–1979, т. 8, с. 49], и что «историю русскую должно будет преподавать по Карамзину» [Пушкин, 1977–1979, т. 7, с. 34]. По своем выходе, «многотомный труд Карамзина воспринимался как произведение глубоко современное, отвечающее на самые актуальные политические и историко-философские запросы, волнующие, как "свежая газета"» [Лузянина, 1981, с. 156][1]. А уже в середине XIX века Н.Г. Чернышевский подытожил: «История Карамзина была едва ли не первою, писанною по-русски, книгою, которая имела серьезное влияние на наше общество — из нее русские узнали свое прошедшее, и следствия этого знакомства глубоко отразились в их взгляде на себя, в их жизни и стремлениях. До тех

[1] Восприятию «Истории» Карамзина современниками посвящен специальный труд: [Козлов, 1989]. Его автор, в частности, заключает: «Образы "честного человека" и "благонамеренного патриота" уже при жизни Карамзина и особенно после его смерти оказались необходимы представителям различных общественно-политических течений в их споре о поступках, убеждениях гражданина, писателя и ученого. Волей исторических судеб и обстоятельств личность историографа превращалась в символ, его труд — в знамя, которые пытались в своих целях использовать различные лагери русского общества» [Козлов, 1989, с. 196].

пор влияние русских книг простиралось только на книги же <...>» [Чернышевский, 1939–1953, т. 2, с. 793].

Достоевский, по его собственному признанию, «возрос на Карамзине» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 153]. В «Дневнике писателя» за 1873 год он вспоминал: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 134]. Младший брат писателя Андрей Достоевский (1825–1897) приводит в своих мемуарах подробности этого семейного чтения: «Чтения эти существовали, кажется, постоянно в кругу родителей. С тех пор как я начинаю себя помнить, они уже происходили. Читали попеременно вслух или папенька, или маменька. Я помню, что при чтениях этих всегда находились и старшие братья, еще до поступления их в пансион; впоследствии и они начали читать вслух, когда уставали родители. Читались по преимуществу произведения исторические: “История Государства Российского” Карамзина (у нас был свой экземпляр), из которой чаще читались последние тома — IX, X, XI и XII, так что из истории Годунова и Самозванцев нечто осталось и у меня в памяти от этих чтений <...>» [Достоевский, 1992, с. 70]. Как далее отмечает мемуарист относительно брата Федора: «История же Карамзина была его настольною книгою, и он читал ее всегда, когда не было чего-либо новенького. <...> Вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиеся романы» [Достоевский, 1992, с. 71].

Такое пристальное внимание к труду Карамзина не было чем-то исключительным среди современников писателя, всерьез интересовавшихся историей. К примеру, историк С.М. Соловьев (1820–1879) вспоминает, что до тринадцати лет, то есть до его поступления в гимназию, он прочел «Историю» Карамзина «не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний» [Соловьев, 1988–2000, кн. 18, с. 532]. Поэт и критик Аполлон Григорьев (1822–1864), друживший и сотрудничавший с Достоевским в начале 1860-х годов, отмечал, что в 1830-е годы он «под влиянием эпохи» наполнил свой книжный шкаф всяким литературным «вздором» вроде исторических романов М.Н. Загоскина, «отделивши от них только сочинения Карамзина, к которому воспитался <...> в суеверном уважении» [Григорьев, 1980, с. 14]. К.Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897), будущий историк и академик, считал «Историю» Карамзина «своей школой возбуж-

дения интереса к истории и нравственного воспитания. В 1860-е годы он восклицал: "А кто из людей сколько-нибудь образованных не знает ее"» [Шмидт, 2009b, с. 370].

Как отмечает в своей статье «История государства Российского в культуре дореволюционной России» С.О. Шмидт, во второй четверти XIX века «с именем Карамзина, сочинениями его и, конечно, отрывками "Истории" знакомились учащиеся всех учебных заведений (светских и духовных) и те, кто получал домашнее воспитание: тома "Истории" были во многих домашних библиотеках. О воспитании историей и литературой на книгах Карамзина особенно много прямых указаний в источниках, отражающих явления жизни 1820–1850-х годов. Но и тогда, когда уже остыл интерес не только к художественным произведениям Карамзина, но и к его историческим сочинениям и распространились иные исторические воззрения и приобрели особую популярность другие имена историков (С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского), "История государства Российского" долго оставалась обязательным чтением для юношества. (Это пример нередкий в истории книги – когда сочинение, производившее огромное впечатление на взрослых современников, с годами становилось уделом преимущественно юношеского чтения)» [Шмидт, 2009b, с. 369].

Тем более важно, что живой интерес к «Истории» Карамзина не угас у Достоевского и во взрослом возрасте, когда он прочел множество других, более современных исторических трудов, в том числе иностранных ученых[2]. Знавший писателя с 1840-х годов П.П.

---

[2] Об этом же пишет В.А. Туниманов, называя «Историю» Карамзина «постоянным спутником на творческом пути писателя» и утверждая, что «Достоевский предпочитал ее другим, новейшим историям, в том числе С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова» [Туниманов, 1980, с. 360]. По мнению ученого, «с точки зрения Достоевского, — бессмертным произведением Карамзина была только История» [Туниманов, 1980, с. 351]. Надо полагать, что такое приоритетное отношение писателя к «Истории» Карамзина было обусловлено отнюдь не только его светлыми впечатлениями, вынесенными из детства, но и тем, что Карамзин, в отличие от подавляющего большинства позднейших историков, отстаивал сакральный характер истории и не выводил из нее Бога как действующего Субъекта. В своем труде историк прямо пишет о действии Провидения [Карамзин, 1998–2009, т. 3, с. 132], периодически упоминает различные знамения свыше, а слова о «суде Небесном» и о том, что «от человека зависит только дело, а следствие от Бога» [Карамзин, 1998–2009, т. 4, с. 131] для него не метафора и не риторическая фигура, но предмет его живой, истинной веры. В этом смысле сверхточна данная ему Пушкиным характеристика: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апоффегмами хронике» [Пушкин, 1977–1979, т. 7, с. 94].

Семенов-Тян-Шанский свидетельствовал, что тот «**“Историю” Карамзина знал почти наизусть**» [Семенов-Тян-Шанский, 2019, с. 211]. Это признание заслуживает особого внимания и доверия, поскольку и сам Семенов-Тян-Шанский прекрасно знал и высоко ценил этот труд с детства, а потому вряд ли сильно преувеличил степень погруженности в него Достоевского: «<...> всего более читал я с неимоверным увлечением и многократно 12-томную “Историю” Карамзина, добросовестно изучая не только весь ее текст, но и примечания, напечатанные в издании мелким шрифтом» [Семенов-Тян-Шанский, 2019, с. 158]. О своих спорах с Достоевским по поводу Карамзина (в связи с «Письмами русского путешественника») в период их учебы в Главном инженерном училище также пишет в мемуарах Д.В. Григорович [Григорович, 1928, с. 58].

Никак нельзя согласиться с А.В. Архиповой, заявляющей, что «Достоевский не вынес из родительского дома большой любви к Карамзину», поскольку в своих произведениях докаторжного периода он Карамзина вообще не упоминает, а позднее — зачастую полемизирует с ним или дозволяет своим персонажам высказываться о нем иронически [Архипова, 1983, с. 101]. Во-первых, аллюзии к Карамзину есть и в раннем творчестве писателя[3]. Например, слова об «ужасах безначалия» в рассказе «Господин Прохарчин» (1846) могут быть отсылкой к четвертой главе первого тома «Истории государства Российского», посвященной призванию варягов и правлению Рюрика: «<...> люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, *ежели* варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их <...>» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 206] (на это указали комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского в 35 т. [Достоевский, 2013–, т. 1, с. 772]). И, думается, при тщательном сопоставлении текстов Достоевского и Карамзина подобных перекличек можно обнаружить еще немало. Во-вторых, Достоевский как художник полемизировал и с поистине обожаемым им Пушкиным, точно так же позволяя своим героям иронизировать над пушкинскими героями и сюжетами, так что это свойство его поэтики вовсе не является признаком отсутствия его любви к Карамзину. Записные тетради

[3] В более поздней статье Архипова все же предполагает, что художественное влияние Карамзина на Достоевского, ощутимое в произведениях последнего 1840-х годов, «осуществлялось неосознанно» [Архипова, 1997, с. 83], но не объясняет, почему «неосознанно».

Достоевского, как отмечает С.В. Белов, «свидетельствуют о том, что он внимательно следил за всем, что связано с именем Карамзина» [Белов, 2015, с. 230]. К тому же и сама Архипова отмечает, что «многие суждения Карамзина совпадали с собственными размышлениями Достоевского или в значительной степени стали основой этих размышлений» [Архипова, 1983, с. 106].

В романе «Униженные и оскорбленные» (1861) за несколько лет до «Идиота» герои Достоевского указывают на «Историю» Карамзина как на хранилище[4] памяти их рода. Так, Анна Андреевна с гордостью говорит Ивану Петровичу: «Так вот и выходит, что мы-то, Ихменевы-то, еще при Иване Васильевиче Грозном дворянами были, а что мой род, Шумиловых, еще при Алексее Михайловиче известен был, и документы есть у нас, и в истории Карамзина упомянуто. Так вот как, батюшка, мы, видно, тоже не хуже других с этой черты» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 218]. И хотя в «Униженных и оскорбленных» эта отсылка к «Истории» Карамзина заведомо является ложной (никаких упоминаний Ихменевых при Иване Грозном его труд не содержит, а упоминаний Шумиловых при Алексее Михайловиче и не мог содержать, так как «История государства Российского» обрывается на событиях 1612 года), а в «Идиоте» (относительно имени Мышкина) — подлинной, для героев писателя главное сочинение Карамзина неизменно сохраняет авторитетность, поскольку, с их точки зрения, оно, несомненно, способно подтвердить и укрепить их идентичность. Сам Карамзин в предисловии к первому тому своего труда указал на сакральный характер истории, поскольку она одновременно дает нравственные и юридические уроки будущим поколениям: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 131].

В 1862 году в журнале братьев М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» вышла статья М.И. Владиславлева, посвященная Карамзину. В ней автор (в будущем — декан историко-филологического факультета и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, а также зять М.М. Достоевского), хотя и позволял себе критиковать

[4] О том, что у Достоевского книга нередко «представлена как место хранения, внутри которого содержится нечто важное», подробно пишет на материале романа «Идиот» Катерина Корбелла [Корбелла, 2023, с. 35].

историографа как *человека*, все же подчеркивал, что «в свое время Карамзин был лучшей силой в обществе» [Владиславлев, 1862, с. 3], и что его «История» «пробудила русскую мысль и сознание в русских своей народной особости» [Владиславлев, 1862, с. 4].

Основательное знание Достоевским «Истории» Карамзина в полной мере обнаруживает себя в романе «Идиот», что будет подробно рассмотрено нами далее. Сейчас же необходимо отметить, что этот роман создавался писателем одновременно с новым всплеском общественного интереса к наследию Карамзина, спровоцированным столетним юбилеем историка, широко отмечавшимся в конце 1866 года (на 1866–1868 годы пришелся и пятидесятилетний юбилей «Истории» Карамзина, первые восемь томов которой были отданы в печать в 1816 году, а в продажу поступили в 1818 году). В юбилейный год был возрожден литературно-политический ежемесячный журнал «Вестник Европы», впервые основанный Карамзиным в 1802 году (первоначальный журнал закрылся в 1830 году); были изданы сборник «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями» в 2 т. М.П. Погодина, «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву» (были подготовлены к печати Я. Гротом и П. Пекарским), мемуары ближайшего друга Карамзина, баснописца И.И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь»[5], в которых, в числе прочего, освещалась история создания и восприятия современниками «Истории государства Российского». Карамзинский юбилей отозвался в самых «разных областях культурной и духовной жизни: прошли церковные службы, литературные чтения, прозвучали стихи, историческая проза, состоялись спектакли, концерты, академические и университетские собрания, гимназические акты, были объявлены конкурсы, учреждены стипендии» [Сапченко, 2018, с. 311].

3 декабря 1866 года Достоевский, возможно, лично присутствовал на литературном вечере Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, организованном в Петербурге в честь юбилея Карамзина (в этом вечере также участвовали Н.И. Костомаров,

[5] В частности, И.И. Дмитриев вспоминает: «Одни говорили, что Карамзин заслужил быть на ряду с знаменитейшими историками нашего времени; другие, что история его исполнена глубокомыслием, философией; что повсюду сверкают в ней сильные черты красноречия. Одним нравилось в авторе благородное негодование на жестокость деспота; другим, его добродушие, народливость, придающая какую-то прелесть его творению» [Дмитриев, 1866, с. 88].

А.К. Толстой, А.Н. Майков и др.) [Летопись, 1999, т. 2, с. 84]. Во всяком случае, об ожидании этого вечера писатель упоминал в письме к Н.А. Любимову от 16 ноября 1866 года [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 171].

В своем «Очерке личности и деятельности Карамзина», составленном к торжественному собранию Академии наук 1 декабря 1866 года, академик Я.Е. Грот отмечал чудодейственную способность истории *воскрешать мертвых*[6] и оживлять прошлое: «<…> под волшебным жезлом истории воскресают мертвые со всею житейскою их обстановкой; из мрака забвения возникают дела и события, и мы с удивлением видим, что многое, еще и теперь желательное, уже совершалось в минувшем или, по крайней мере, было также предметом желаний наших отцов и дедов» [Грот, 1901, с. 120]. Однако такое качество история приобретает лишь у великого историка, не только владеющего высоким профессиональным мастерством, но и обладающего превосходными человеческими качествами. Как поясняет Грот, «все, лично знавшие историографа, согласны в том, что как ни высоко стоял Карамзин-писатель, еще выше был Карамзин-человек» [Грот, 1901, с. 120–121]. В панегирике Грота фигура Карамзина представала, в первую очередь, как идеал русского христианина, образованного и совестливого: «Во всех своих действиях Карамзин следовал самым строгим правилам чести и нравственности, не позволяя себе кривых путей и даже и в добре. Одним из господствующих состояний его души было то высокое страдание любви, которое свойственно только душам избранным: он живо принимал к сердцу все, что касалось не только близких к нему, но и посторонних» [Грот, 1901, с. 146]. В конце своего очер-

---

[6] Собственно об этом в предисловии к первому тому своей «Истории» пишет и сам Карамзин: «История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум и питают чувствительность» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 131–132]. В.А. Жуковский в письме к И.И. Дмитриеву от 18 февраля 1816 года указывает на то же самое: «Эту Историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа*. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ» [Жуковский, 1999–, т. 15, с. 469].

ка Грот констатировал: «Можно смело сказать, что близкое знакомство с Карамзиным сделалось навсегда необходимым элементом образования для каждого русского» [Грот, 1901, с. 148].

Организаторы и участники юбилейных торжеств преследовали не только и не столько цель почтить память великого писателя и историка, давно вошедшего в канон русской словесности (чему дополнительным аргументом может служить включение фигуры Карамзина, наряду с Пушкиным, Крыловым, Грибоедовым и некоторыми другими писателями, в число главных деятелей русской истории, запечатленных на памятнике «Тысячелетие России», открытом в Новгороде в присутствии императора Александра II в 1862 году[7]), сколько видели в Карамзине человека своего времени, остро необходимый ориентир для подражания, который так же можно возродить, как история под пером Карамзина воскресила героев Древней Руси и Московского царства. В декабрьском выпуске «Вестника Европы» за 1866 год недаром говорилось следующее: «<…> мы можем сказать, что первое декабря 1766 года видело *рождение* Карамзина, а первого декабря 1866 года мы усиливались произвести его *возрождение*, **мы хотели заставить Карамзина снова жить посреди нас**, сделать его нашим мудрым советником и воодушевиться теми благородными помыслами, которые занимали некогда его великую душу, его честное и незлобивое сердце» [Торжество юбилея, 1866, с. LVIII–LIX]. Поэт Ф.И. Тютчев, написавший к этому же юбилею стихотворение «Великий день Карамзина…» (1866), назвал историка «чистым, добрым гением», обладающим «высокой и ко благу страстной душой», которая стала для его соотечественников «путеводной» и «вдохновительной звездой» [Тютчев, 2002–2005, т. 2, с. 166].

Вспыхнувший с новой силой в русском обществе в конце 1866 года интерес к Карамзину сохранялся и на протяжении нескольких

[7] О всенародном праздновании «тысячелетия России» 1862 года в романе «Идиот» вспоминает все тот же «всезнающий» Лебедев, который ранее напомнил князю Мышкину об «имени историческом» и «Истории» Карамзина. Для Лебедева суть этого празднества заключалась в умении верно и точно определить имена наиболее замечательных людей России. Эту способность он применяет и к своему другу, генералу Иволгину, который, несмотря на свои пьяные фантазии, некогда, действительно, проявил личный героизм в годы Крымской войны, за что и получил чин генерала (реконструкцию реальной биографии генерала Иволгина см.: [Подосокорский, 2009b]). Именно поэтому Лебедев говорит о нем: «Я в нем даже и сквозь двухсот персон и тысячелетие России замечательнейшего человека различаю. Искренно говорю-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 198–199].

последующих лет. В 1868 году, когда выходит роман «Идиот», А.К. Толстой создает свое знаменитое сатирическое стихотворение «История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (было впервые опубликовано в 1883 году, но получило широкое распространение в списках уже при жизни автора), в котором на разные лады повторяется одна и та же мысль, восходящая к летописцу Нестору, что земля Русская богата, но «порядка в ней лишь нет» [Толстой, 2017–2018, т. 2, с. 46][8].

«Возрождению» Карамзина во второй половине 1860-х годов уделяли внимание и в журнале «Русский вестник» М.Н. Каткова, постоянным автором которого Достоевский был, начиная с середины 1860-х годов и до конца жизни (именно в «Русском вестнике» вышли четыре романа из его «Великого Пятикнижия», включая «Преступление и наказание» и «Идиот»)[9]. Так, с осени 1866 года, когда уже вовсю шла подготовка к карамзинским торжествам, в «Русском вестнике» выходит несколько материалов, посвященных великому историографу. В ноябрьском номере журнала за 1866 год был напечатан большой очерк П.К. Щебальского «Николай Михайлович Карамзин», в котором публицист замечал, что не имеет намерения «пускаться в исследования об ученых и литературных заслугах Карамзина», но хочет «начертать нравственный его образ», изобразить «идеал» человека в лице Карамзина. В последнем, по его словам, яснее всего «выразились идеальная сторона современного ему общества и все лучшие ее стремления» [Щебальский, 1866, с. 192]. В февральском номере «Русского вестника» за 1867 год вышло неоконченное стихотворение ближайшего друга Достоевского А.Н. Майкова «Карамзин». В нем историк был назван «великим

[8] Об этом же пишет и Карамзин в предисловии к первому тому: «Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с **несовершенством видимого порядка вещей**, как с обыкновенным явлением во всех веках <…>» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 131]. Из мысли Карамзина, впрочем, следует, что «порядок вещей» может быть как *видимым* (ощущаемым любым человеком, независимо от уровня его развития), так и *невидимым* (то есть относящимся к более масштабному и незаметному Божьему управлению миром). Ю.М. Лотман так описывает эту дилемму: «Карамзин был проникнут мыслью, что история *имеет смысл*. Но смысл этот — замысел Провидения — скрыт от людей и не может быть предметом исторического описания. Историк описывает деяния человеческие, те поступки людей, за которые они несут моральную ответственность. Подлинный же смысл истории ноуменален. Его можно угадывать поэтически, но он лежит по ту сторону строгой истории» [Лотман, 1997, с. 587]

[9] Достоевский имел неизменную привычку внимательно и целиком читать все номера периодических изданий, в которых он печатался. Об этом он не раз заявлял в своих письмах.

мужем» и уподоблялся пророку Моисею, запечатлевшему на своей скрижали, словно отлитой «из меди в речи смелой», образы героев Русской истории:

Увидел образы князей бойцов лихих;
Князей-ходатаев за Русь у грозных ханов,
Там — умирающих в пути среди буранов.
Увидел образы подвижников святых...
[Майков, 1867, с. 504].

Таким был «карамзинский» контекст создания Достоевским романа «Идиот», в самом начале которого упомянута «История» Карамзина (первые главы первой части романа были отправлены писателем в редакцию «Русского вестника» в декабре 1867 года [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 238], то есть всего спустя год после столетнего юбилея историка). Итак, в начальной сцене «Идиота», изображающей разговор в поезде, прибывающем в Петербург, трех случайных попутчиков — князя Мышкина, Парфена Рогожина и «всезнайки» Лебедева — последний спрашивает об имени бывшего швейцарского пациента и тотчас же, услышав ответ, указывает на то, что это «историческое» имя «можно и **должно**» найти в «Истории» Карамзина:

«— А позвольте, с кем имею честь... — обратился вдруг угреватый господин к белокурому молодому человеку с узелком.

— Князь Лев Николаевич Мышкин, — отвечал тот с полною и немедленною готовностью.

— Князь Мышкин? Лев Николаевич? Не знаю-с. Так что даже и не слыхивал-с, — отвечал в раздумье чиновник, — то есть я не об имени, имя историческое, в Карамзина “Истории” найти можно и должно, я об лице-с, да и князей Мышкиных уж что-то нигде не встречается, даже и слух затих-с.

— О, еще бы! — тотчас же ответил князь, — князей Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний. А что касается до отцов и дедов, то они у нас и однодворцами бывали. Отец мой был, впрочем, армии подпоручик, из юнкеров. Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина очутилась тоже из княжон Мышкиных, тоже последняя в своем роде...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 8–9].

Таким образом, возвращающийся в Россию из-за границы князь Мышкин, который «кой-чему только» в жизни учился, ибо его «по болезни не находили возможным систематически учить» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 9], первым делом сталкивается с призывом незнакомого ему ранее русского *чиновника*[10] углубиться в российскую национальную историю, в которой «можно и должно» отыскать истоки его рода (имени). Это указание важно еще и потому, что, в отличие от «преначитанного» Лебедева (позднее читатель узнает, что герой имеет хорошую библиотеку с редкими и ценными изданиями), Мышкин, по его собственному признанию, «плохо знает историю» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 313]. В дальнейшем в плохом знании истории его будет упрекать и Аглая Епанчина во время их совместного чтения в беседке:

«— Знаете ли, — сказала ему раз Аглая, прерывая газету, — я заметила, что вы ужасно необразованны; вы ничего хорошенько не знаете, если справляться у вас: ни кто именно, ни в котором году, ни по какому трактату? Вы очень жалки.

— Я вам сказал, что я небольшой учености, — ответил князь.

— Что же в вас после этого? Как же я могу вас уважать после этого?» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 430].

Упреки насмешливой и эгоцентричной Аглаи не только раскрывают ее сугубо потребительское отношение к князю (она периодически требует, чтобы он «ее руководил»[11]), но и подспудно выражают излюбленную мысль самого Достоевского, сформулированную им в письме к любимой племяннице

[10] В самом начале романа Лебедев описывается автором как «дурно одетый господин, **нечто вроде закорузлого в подьячестве чиновника**» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 7], то есть, скорее, как служащий допетровской Руси, а не современной Российской империи, ибо в начале XVIII века чин подьячего (так назывались низшие административные чиновники, помощники дьяков) фактически был упразднен. В «Истории» Карамзина неоднократно упоминаются разные подьячие [Карамзин, 1998–2009, т. 5, с. 183; т. 6, с. 71, 140; т. 7, с. 19 и проч.], но к истории Лебедева, которого в раздражении пригрозил «высечь» Рогожин [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 13], может иметь некоторое отношение эпизод из 8-го тома, в котором говорится, что, согласно Судебнику Ивана Грозного, за умышленные провинности и лихоимство «криводушных дьяков сажали в темницу, подьячих секли кнутом» [Карамзин, 1998–2009, т. 9, с. 236].

[11] См. диалог Аглаи и князя в восьмой главе третьей части романа: «— <...> Можем мы вместе заняться воспитанием, хоть не сейчас, так в будущем? Мы вместе будем пользу приносить; я не хочу быть генеральскою дочкою... Скажите, вы очень ученый человек?

— О, совсем нет.

— Это жаль, а я думала... как же я это думала? Вы все-таки меня будете руководить, потому что я вас выбрала» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 358].

С.А. Ивановой от 29 марта 1868 года (а именно ей изначально и был посвящен роман «Идиот»). Достоевский писал Ивановой, что ей нужно прочесть не менее пятидесяти исторических многотомников (вроде 20-томной «Истории Консульства и Империи» Адольфа Тьера), «чтоб иметь серьезное и твердое знание, твердое основание для искусства» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 293]. В другом письме к Н.Л. Озмидову от 18 августа 1880 года Достоевский, составив список для чтения его дочери, особо выделил значение исторических трудов в воспитательных целях: «Хорошо прочесть всю историю Шлоссера и русскую Соловьева. Хорошо не обойти Карамзина. <...>. Вообще исторические сочинения имеют огромное воспитательное значение» [Достоевский, 1972–1990, т. 30_1, с. 212].

Все три рекомендованных Достоевским к прочтению «Истории» (Карамзина, Соловьева и Шлоссера) имелись в домашней библиотеке писателя [Библиотека Достоевского, 2005, с. 139, 144, 147][12] и все они упоминаются в разном контексте в романе «Идиот». При этом весьма показательно, что представитель привилегированного сословия — дворянства и старой аристократии (в памфлете, написанном Келлером и другими нигилистами, его презрительно именуют «аристократиком» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 219]) — князь Мышкин отсылается к чтению сочинения государственного историографа, идеолога просвещенного самодержавия, консерватора Карамзина, которое и было, главным образом посвящено истории разных *князей*[13] и выросших из них царей[14]. Представитель полупривилегированного

[12] В библиотеке Достоевского, согласно указанию его жены А.Г. Достоевской, хранилось третье издание 12-томной «Истории» Карамзина 1830–1831 годов (Тип. А. Смирдина и А. Плюшара), содержащее, помимо основного текста, и ценнейшие авторские примечания. Как полагают составители каталога библиотеки Достоевского, возможно, что писатель также приобрел и шестое издание этого же труда 1851–1853 годов (Изд. Александра Смирдина) [Библиотека Достоевского, 2005, с. 140, 263] — в нем авторские примечания отсутствуют.

[13] В самом начале романа «Идиот» читатель знакомится не только с *князем* Мышкиным, но и узнает, что Настасью Филипповну аттестуют как «княгиню» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 11], правда, подчеркивая этим не ее реальный социальный статус, но то величественное впечатление, которое она производит на окружающих. Карамзин в первом томе своей «Истории» замечает, что само «слово *князь* родилось едва ли не от *коня*» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 184]. В этом смысле другая, уже реальная княгиня романа «Идиот» носит весьма говорящую фамилию — *Белоконская*.

[14] В посвящении Государю Императору Александру I, предваряющему первый том его труда, Карамзин отмечал: «Сердцеведец читает мысли, История предает деяния великодушных Царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной

сословия (сын купца и потомственного почетного гражданина) Парфен Рогожин — по рекомендации Настасьи Филипповны читает «Русскую историю» Соловьева [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 172, 179], который родился в семье протоиерея и не просто относился к т.н. «государственной школе» историографии, но, по словам Н.Л. Рубинштейна, «представлял <...> передовую мысль растущей русской буржуазии» [Рубинштейн, 2008, с. 361]. Дети же, как представители нового поколения и, по всей видимости, смешанных сословий (Коля Иволгин, Костя Лебедев и «третий мальчик» Петров) собираются купить уже не «Русскую историю» отечественных историков-государственников, но «Всемирную историю» Шлоссера, относимого к либеральной гейдельбергской школе историографии [Савельева, 2007, с. 283] (исторические многотомники Шлоссера были впервые переведены на русский под общей редакцией революционера-демократа Н.Г. Чернышевского в «либеральное» царствование Александра II, а при Николае I были и вовсе запрещены в России даже в подлиннике [Пыпин, 1906, с. 506])[15].

Это, конечно, вовсе не означает, что за каждым сословием в романе автором как бы «закреплена» своя «История», поскольку в «Идиоте» как раз и изображено начавшееся в 1860-е годы смешение разных сословий стремительно трансформирующейся в эпоху «великих реформ» Российской империи. Наоборот, Достоевский строит свой художественный мир на переплетении разных способов описания истории, которые не конфликтуют, но взаимодополняют друг друга (недаром, и сам писатель советовал читать этих трех историков вместе, ставя их в один ряд)[16]. Кроме того, и Соловьев

памяти» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 130].

[15] Об образе и роли «Истории» Шлоссера в романе «Идиот» см.: [Подосокорский, 2023a].

[16] Ряд исторических сюжетов, к которым обращаются герои «Идиота» по-разному освещается тремя историками. Например, об императоре Священной Римской империи Генрихе IV и папе Римском Григории VII (персонажах знаменитого Хождения в Каноссу 1077 года, о котором Настасья Филипповна рассказывает Рогожину [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 176]) по-своему пишут и Карамзин, и Соловьев, и Шлоссер. Внимательное чтение «Истории» Карамзина (как и других упомянутых в «Идиоте» историков) показывает, насколько условным является разделение истории на отечественную и иностранную. В частности, историограф упоминает, что Генрих IV был женат на русской княжне, внучке Ярослава Мудрого и родной сестре Владимира Мономаха [Карамзин, 1998–2009, т. 2, с. 60], и рассказывает о том, как бежавший из Киева великий князь Изяслав Ярославич обратился за помощью сперва к Генриху IV,

(в значительной степени, см.: [Дубровский, 2020][17]), и Шлоссер (в том, что касается древней истории России [Шмидт, 2009а, с. 330]) опирались в своих исторических сочинениях на труд Карамзина, который, при всех оговорках, в ряде случаев был для них незаменимым источником.

В «Идиоте», в отличие от «Униженных и оскорбленных», отсылка к «Истории» Карамзина, где можно и должно найти «историческое» имя князя Мышкина, представителя (вместе с генеральшей Елизаветой Епанчиной, урожденной Мышкиной) «рода хотя и не блестящего, но весьма древнего» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 15], оказывается верной. Уже комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. нашли в 1974 году представителя этой фамилии в шестом томе его «Истории» («<…> повествуя о постройке Успенского собора в Москве, Карамзин говорит, что заложили его 30 апреля 1471 г. и “главные архитекторы были Ивашко Кривцов и Мышкин”» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 385]), впрочем, дав ссылку и на основной текст, и на авторские примечания, тогда как приведенная цитата (как и имя Мышкина) содержится только в примечаниях к шестому тому. Позднее на это же указал в своей статье «“Се человек” Яна Мостарта» (1986) Г.А. Федоров [Федоров, 1986, с. 84–85]. В еще более поздней работе Федорова делается такой вывод относительно князя Мышкина: «Имя же ему берется из “Истории Государства Российского”. У Карамзина имя принадлежит не князю, а строителю-неудачнику Успенского собора в Московском Кремле и входит в “эсхатологический контекст”. При претворении “старинного и любимого” образа “положительно прекрасного человека” Достоевский заставляет своего героя нести имя *неудачника*, а его петербургская будущность, начавшаяся 27 ноября 1867 года, писателем обречена на катастрофу. Игумен в чужом монастыре, но и неудачник-строитель — как осложняет Достоевский образ героя!» [Федоров, 2004, с. 346].

Т.А. Касаткина в своем исследовании «История в имени: Мышкин и горизонтальный храм» отметила, что, кроме книги Карамзина,

---

а затем — к папе Григорию VII [Карамзин, 1998–2009, т. 2, с. 48].

[17] Как отмечает М.Б. Свердлов, в значительной по объему статье «Н.М. Карамзин и его “История государства Российского”», опубликованной в «Отечественных записках» в 1853–1856 годах, «Соловьев поддержал карамзинское деление русской истории на древнюю, среднюю и новую, обстоятельно рассмотрел и поддержал своими комментариями основное содержание его многотомного труда» [Свердлов, 2018, с. 11].

Мышкин «упомянут и в “Истории” Соловьева [Соловьев, 1988–2000, т. 3, с. 173], которую читает Рогожин при втором появлении князя на романной сцене» [Касаткина, 2004, с. 383]. «Не потому ли, помимо всего прочего, Рогожин так поражен его приходом, что только что читал про его предка — неудачника-строителя храма Успения Богородицы, возводившегося на месте первого московского соборного каменного храма, созданием которого еще при Иване Калите, по замыслу и благословению св. Петра митрополита, первосвятителя всея Руси, положено было “твердое основание Московскому первенству среди других Княжеств”», — вопрошает она [Касаткина, 2004, с. 383]. По мнению исследовательницы, «эта история задает ценностные ориентиры для читателя, напоминая сразу и о русской святости и о российской государственности в их истинном, неискаженном виде. Эта история преображается в базовый миф романа» [Касаткина, 2004, с. 383][18]. Касаткина также обратила внимание в этой истории на значимое для романа «Идиот» имя и обстоятельства кончины митрополита Филиппа: он умер, «испуганный пожаром, который обратил в пепел его Кремлевский дом», «до последней минуты говорив [великому князю] Иоанну о совершении новой церкви» [Карамзин, 1998–2009, т. 6, с. 43–44]. Отец Настасьи Филипповны, «один отставной офицер, хорошей дворянской фамилии» Филипп Барашков, также умирает вскоре после получения известия о том, что пожар уничтожил его вотчину [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 35].

При этом исследователями, ранее писавшими об этой истории, в связи с романом «Идиот», не замечено, что, по описанию Карамзина, уцелевшие стены рухнувшей при Филиппе старой церкви были до основания разрушены уже при новом архитекторе Успенского собора Аристотеле Фиораванти «махиною, неизвестною тогдашним москвитянам и называемою *бараном*» [Карамзин, 1998–2009, т. 6, с. 44–45]. Но и этим удивительная концентрация имен вокруг истории неудачного строительства собора Успения не ограничивается, а потому указание Лебедева оказывается понят-

[18] Сопоставляя порушенный при Иване III Соборный храм Успения в «Истории» Карамзина и дом Рогожина в «Идиоте», обладающий архитектурными чертами древней русской церкви, Касаткина делает вывод: «Об этих событиях читатель должен помнить не только потому, что истинная система ценностей романа выясняется лишь при сопоставлении с миром русской истории, о чем требуется говорить особо. Он должен помнить о них потому, что ему предстоит опознать глухо упомянутый Достоевским храм в тексте» [Касаткина, 2004, с. 384].

ным не до конца. Дело в том, что князь представляется Лебедеву не только своей фамилией, на которой сразу сосредоточились разные комментаторы, разбиравшие историю безымянного архитектора XV века Мышкина, но полным именем («Князь Лев Николаевич Мышкин, — отвечал тот с полною и немедленною готовностью»). В соответствующем же примечании к шестому тому «Истории», где эта фамилия была единожды упомянута за весь его 12-томный труд, Карамзин ссылается на *Львовскую* летопись [Карамзин, 1998–2009, т. 6, с. 223], названную так в честь архитектора *Николая Львова* (1753–1803), издавшего ее в 1792 году. Тем самым Лебедев отсылает своего невольного попутчика к книге, в которой парадоксальным образом соединились в одну *богородичную* историю Мышкин, Николай Львов, Филипп и «баран».

Возведение главного кафедрального храма России (Успенского собора в Москве) в 1470-е годы, не удавшееся русскому зодчему Мышкину, но оказавшееся под силу итальянскому архитектору Аристотелю Фиораванти[19], многими воспринималось как одно из важнейших событий российской истории. О нем, к примеру, было специально упомянуто и в бестселлере николаевского времени — трехтомнике «Живописный Карамзин. Русская история в картинах» (1836–1844), в связи с рассказом о венчании в этом соборе великого князя всея Руси Ивана III и византийской царевны Софьи Палеолог [Живописный Карамзин, 1836–1844, ч. 2, № 94. Брак Иоанна с царевною Софиею, в 1472 году][20]. Примечательно, что у Достоевского

[19] В начальной сцене романа «Идиот», в которой заходит речь об «Истории» Карамзина, Мышкин одет в итальянскую одежду, причем автор подчеркивает ощутимую разницу между тем, что «годится» в России и в Италии: «На нем был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном, точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам, где-нибудь далеко за границей, в Швейцарии или, например, в Северной Италии, не рассчитывая, конечно, при этом и на такие концы по дороге, как от Эйдткунена до Петербурга. Но что годилось и вполне удовлетворяло в Италии, то оказалось не совсем пригодным в России» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 6].

[20] Трехтомник «Живописный Карамзин», выпущенный в царствование Николая I, представлял собой краткое популярное изложение ключевых событий российской истории, выполненное журналистом Владимиром Строевым на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и работы А.А. Писарева «Предметы для художников, выбранные из Российской истории, Славенского баснословия и из всех других сочинений в стихах и прозе» (1807). Тексты Строева группировались вокруг 160 литографий, сделанных по рисункам Бориса Чорикова. «“Живописный Карамзин” апеллировал в первую очередь к широкой публике и в особенности к юношеству, выступая как бы новым типом учебника истории, занимательным и понятным» [Чернышева, 2022, с. 353]. Это издание имелось в домашней библиотеке Достоевского [Библиотека Достоевского, 2005, с. 192]. По воспоминаниям дочери писателя, Любови Достоевской, первой книгой,

восприятие «Истории» Карамзина органично соединилось в его детстве с посещением московских соборов (очевидно, в том числе, а, возможно, и, в первую очередь, Успенского собора, уцелевшего даже при пожаре Москвы 1812 года) — об этом писатель вспоминал в 1873 году: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 134].

Рассказ о строительстве Успенского собора интуитивно был воспринят и критиком Белинским как одно из наиболее *поучительных* мест в «Истории» Карамзина. В своей рецензии на пятое издание труда историографа он в масонском спекулятивном духе[21] уподобил самого автора строителю храма: «Карамзин, воздвигая здание своей истории, был не только зодчим, но и каменщиком, подобно Аристотелю Фиоравенти, который, воздвигая в Москве Успенский собор, в то же время учил чернорабочих обжигать кирпичи и растворять известь» [Белинский, 1953–1959, т. 7, с. 598]. Вполне возможно, что эта рецензия, опубликованная в седьмом номере «Отечественных записок» в 1843 году, уже тогда запомнилась молодому Достоевскому таким хлестким сравнением.

Указание Лебедева, любящего при случае порассуждать о том, из чего вообще «воссоздается история у умеющего» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 314], о необходимости поиска в «Истории» Карамзина «исторического» имени Мышкина побуждает взглянуть и на присутствие в этой книге имен других героев «Идиота»[22].

которую она получила в детстве в подарок от отца, был как раз «Живописный Карамзин», причем отец дополнительно объяснял ей разные исторические гравюры из этой книги [Достоевская, 2017, с. 196].

[21] Карамзин в юности, действительно, принадлежал к братству вольных каменщиков и был близок к просветительскому кругу Николая Новикова, но довольно быстро разочаровался в масонстве и весной 1789 года порвал с его организованными структурами [Муравьев, 2014, с. 102]. В романе «Идиот» тему масонства в связи с тем, что не все можно говорить при посторонних, затрагивает Коля Иволгин в разговоре с князем Мышкиным, про которого ранее читателю указано, что он, вероятно, происходит родом от неудачливого архитектора XV века: «— <...> я имею основание предполагать, что при господине Фердыщенке нельзя всего говорить и... надо удерживаться. Понимаете, князь?

— Неужто? Впрочем... для нас всё равно.

— Да, без сомнения, всё равно, мы не масоны!» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 367].

[22] Первым о Епанче и Лебедеве из «Истории» Карамзина в связи с романом «Идиот» написал Андрей Тусичишный [Тусичишный, 2013].

К примеру, в девятом томе «Истории» упоминается строительство города Епанчина (так в просторечии называли острог Туринск), получившего свое название от прежнего владельца этого места князя Епанчи [Карамзин, 1998–2009, т. 9, с. 204]. Карамзин в примечаниях к этому событию ссылается на «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера (1705–1783) [Карамзин, 1998–2009, т. 9, с. 443], из которой, в свою очередь, можно узнать, что строительство Епанчина (Туринска) было почти столь же неудачным, сколь и возведение церкви Успения Богородицы Мышкиным: «<…> первый острог построен был весьма плохо и потому через три года, в 1603 г., его пришлось делать опять почти заново» [Миллер, 1937–1941, т. 1, с. 309]. Также Карамзин сообщает, что к Епанчинским Юртам вода вынесла тело погибшего *князя Сибирского* Ермака [Карамзин, 1998–2009, т. 9, с. 216][23], а в финале «Идиота» над погибшим умственно князем Мышкиным плачет генеральша Епанчина (Мышкина).

Упоминается в «Истории» Карамзина и некий Лебедев (и тоже, как и Мышкин, всего один раз). В десятом томе Карамзин пишет о том, что в 1595 году, в отсутствие царя Федора Иоанновича, ездившего в Боровскую обитель Св. Пафнутия, в Москве «сгорел весь Китай-город: чрез несколько месяцев он восстал из пепла с новыми каменными лавками и домами, но едва было снова не сделался жертвою огня и злодейства, которое изумило москвитян своею безбожною дерзостию. Нашлись изверги, и люди чиновные: князь Василий Щепин, дворяне Лебедев, два Байкова, отец с сыном, и другие; тайно условились зажечь столицу, ночью, в разных местах, и в общем смятении расхитить богатую казну, хранимую у церкви

[23] Фигура покорителя Сибири, атамана Ермака, как одного из «лучших русских людей», неизменно интересовала Достоевского почти на всем протяжении его творчества. О трагической гибели Ермака упоминает Макар Девушкин в романе «Бедные люди» (1846) [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 53]. А в письме к А.Н. Майкову от 15 мая 1869 года из Флоренции Достоевский очертил значение Ермака для российской истории и формирования русского национального характера: «Об Ермаке же ничего Вам сказать не могу; Вы, конечно, лучше знаете. По-моему, сначала казачье — удальство — бродяжничество и разбой. Потом уже указывается гениальный человек под бараньим тулупом; угадывает колоссальность дела и будущее значение его, но уже тогда, когда почти всё дело пошло на лад и удачно обделалось. **Тут рождается русское чувство, православное чувство единения с русским корнем** (даже непосредственное, может быть, чувство вроде тоски), — а из того выходит посольство и челобитье великому государю, выражающему в понятиях народа вполне русский народ. (NB. Главное и полнейшее выражение этого понятия дошло до полного, последнего своего развития, знаете ли когда, по-моему? В нашем столетии. Разумеется, я говорю об народе, а не о прогнивших боярах и семинаристах.)» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 42].

Василия Блаженного. К счастию, правительство узнало о сем заговоре; схватили злодеев и казнили <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 110].

Здесь уместно пояснить, что сам Карамзин писал в своей «Истории» о внимании к истории «предков»: «Одним словом, история предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество» [Карамзин, 1998–2009, т. 2, с. 41]; и при этом видел прямую связь между деяниями предков и жизнью их потомков: «<...> внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах» [Карамзин, 1998–2009, т. 5, с. 198]. Если применить совет Лебедева, данный князю, к нему самому, то, возможно, «История» Карамзина объясняет таким образом и его непомерное корыстолюбие.

Теперь подойдем к упоминанию Лебедевым «Истории» Карамзина с несколько иной стороны. Среди исследователей считается очевидным и консенсусным, что речь в нем идет именно об «Истории государства Российского», и это действительно так, но само построение фразы чиновником-всезнайкой, заменяющим подлинное название произведения («История государства Российского») на сокращенное до одного только первого слова, позволяет увидеть в его совете и *дополнительную* отсылку к «Истории» жизни Карамзина, который носит имя отца князя Мышкина, но сам себя вывел в автобиографической[24] повести «Рыцарь нашего времени» (1802–1803) под именем Леона (Мышкина в Швейцарии также называют *Léon* [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 62]). И здесь невозможно согласиться с Д.П. Ивинским, замечающим, что в «Идиоте» «нет ничего, что в самом деле обязывало бы читателя помнить или вспоминать “Рыцаря нашего времени”, т.е. нет прямых указаний на повесть Карамзина и ничего, что не могло бы быть понято без обращения к этому источнику» [Ивинский, 2018, с. 165]. Что вообще может быть более «прямым указанием» для читателя, чем непосредственный совет одного героя другому обратиться к «Истории» Карамзина (внимание к личности и биографии которого еще не утихло в печати со времен торжеств по случаю столетия со дня

[24] Один из первых биографов Карамзина, А.В. Старчевский, скептически относился к этому произведению как к надежному источнику сведений о реальном детстве писателя, считая, что «вся эта история — большею частью вымысел» [Старчевский, 1849, с. 12], однако, уже М.П. Погодин, ссылаясь на признания И.И. Дмитриева и самого Карамзина, разглядел на этом рассказе «печать истины» [Погодин, 1866, ч. 1, с. 7].

его рождения), если сам Карамзин не просто рассказал свою «историю» именно в этой повести (где главного героя зовут точно так же, как протагониста романа Достоевского), но и напечатал ее в своем журнале «Вестник Европы»?[25]

Первая глава карамзинской повести («Рождение моего героя») начинается со слов, рифмующихся с зачином «Идиота»: «Если спросите вы, кто он? То я… не скажу вам. “Имя не человек”, — говорили русские в старину[26]. Но так живо, так живо опишу вам свойства, все качества моего приятеля — черты лица, рост, походку его — что вы засмеетесь и укажете на него пальцем…» [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 55–56]. Рассказывая о «качествах» и раннем воспитании своего «приятеля» Леона, Карамзин иронически называет самого себя его «историком» [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 57], настаивая при этом, что его рассказ — «не выдумка» [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 66]. В характере Леона прослеживаются мечтательность, склонность к меланхолии, готовность самоотверженно спасти друзей, попавших в беду, — все это определяется его биографом как «**донкишотство воображения**» [Карамзин, 1998–2009, т. 15, с. 69][27]. Образ Карамзина как «рыцаря нашего времени» тем самым предстает как еще одна разновидность идеального, «положительно прекрасного человека», изображению которого, главным образом, и был посвящен роман «Идиот»[28]. А именно в таком качестве автора

[25] Еще раз отметим, что в постъюбилейный период 1867–1868 годов, когда пишется и издается роман «Идиот», в русских журналах не прекращается поток публикаций о Карамзине. Только в «Русском архиве», одну из статей которого обсуждают князь Мышкин и генерал Иволгин, а до этого Иволгин спорил о ней с Лебедевым [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 412] (о роли этой статьи в романе «Идиот» см.: [Подосокорский, 2010]), в это время выходят следующие материалы: Письма Н.М. Карамзина к Е.Ф. Муравьевой (1867, № 3), «Отголосок Карамзинского юбилея в Париже» М.Н. Лонгинова (1867, № 3), «Старинная шутка к портрету Н.М. Карамзина» И.И. Дмитриева (1867, № 5–6), Письма к Великому князю Цесаревичу Константину Павловичу графа Аракчеева и Н.М. Карамзина, с заметкою Г.Н. Александрова (1868, № 2), 24 письма И.И. Дмитриева и 2 записки Карамзина к Д.И. Языкову, с примечаниями А.Ф. Бычкова (1868, № 7–8), Письма Н.М. Карамзина к В.А. Жуковскому, 1803–1818 (1868, № 11).

[26] В начале романе «Идиот» Лебедев различает «имя» и «лицо» человека: «<…> то есть я не об имени, <…> я об лице-с <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 8].

[27] О «донкихотстве» в романе «Идиот» существует большая литература. Из последних наиболее значимых исследований можно выделить содержательную статью Катерины Корбелла [Корбелла, 2024], в которой даны ссылки и на ряд предшествующих работ по этой теме.

[28] На вопрос о том, «почему в романе “Идиот” князь Мышкин, по замыслу автора олицетворяющий идеал Христа, “положительно прекрасного человека”, не только не смог спасти трагическую героиню, Настасью Филипповну, не только изменил Аглае, но

«Истории государства Российского» многие хотели видеть во время празднования его столетия и позднее.

В письме к критику Н.Н. Страхову от 2 декабря 1870 года Достоевский признался: «К статье о Карамзине (Вашей) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность и я возрос на Карамзине» [Достоевский, 1972–1990, т. 29₁, с. 153]. Страхов в упомянутой статье «Вздох на гробе Карамзина. (Письмо в редакцию “Зари”)», опубликованной под псевдонимом «Н. Косица», восторженно писал о Карамзине как об идеале **«прекрасного человека»**: «Карамзин, Карамзин! Какое чудесное имя, милостивый государь! Какою невыразимо-сладкою мелодиею звучит оно для ушей моих! Перед мысленным взором моим при этих звуках тотчас возникает образ столь светлый, столь чистый, столь привлекательный, что напрасно я бы пытался изобразить его красоту своею неискусною речью. Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподданный России — чего же еще нужно для самой чистой славы? Можно быть полезнее Карамзина, но усерднее быть невозможно; можно превзойти его размером сил, но нельзя превзойти красотою подвига[29]; можно быть более великим, но **нельзя быть более прекрасным человеком** и гражданином!» [Страхов, 1870, с. 207].

Соглашаясь с восторгом Страхова в отношении Карамзина, Достоевский, очевидно, сверял его чувства от чтения «Истории государства Российского» с собственными, уходящими корнями еще в детство и подспудно проявившимися в его недавнем романе «Идиот», который и в целом наполнен самыми разными отсылками к наследию Карамзина[30]. Так, генерал Иволгин цитирует карамзинскую эпитафию «Покойся милый прах, до радостного утра» (1792) при

и сам возвратился в состояние прежнего идиотизма в конце романа» отвечает в своей статье Т. Киносита [Киносита, 2001].

[29] Об «Истории» Карамзине как о «подвиге» писал еще А.С. Пушкин: «Повторяю, что “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека» [Пушкин, 1977–1979, т. 8, с. 50]. А позднее и критик В.Г. Белинский: «Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!» [Белинский, 1953–1959, т. 7, с. 598].

[30] Содержательный аналитический обзор различных художественных произведений Карамзина в плане их возможных перекличек с образами, сюжетом, идеями и языком романа «Идиот» содержится в статье Д.П. Ивинского [Ивинский, 2018].

пересказе вымышленной истории Лебедева о якобы случившейся с ним трагедии в войну 1812 года, сочиненной им в качестве ответного анекдота на фантастическую историю генерала о его службе камер-пажом у Наполеона: «<...> но как же уверять в глаза, что французский шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы; что он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище и говорит, что поставил над нею памятник с надписью с одной стороны: “Здесь погребена нога коллежского секретаря Лебедева”, а с другой: “Покойся, милый прах, до радостного утра”, и что, наконец, служит ежегодно по ней панихиду (что уже святотатство) и для этого ежегодно ездит в Москву. В доказательство же зовет в Москву, чтобы показать и могилу, и даже ту самую французскую пушку в Кремле, попавшую в плен; уверяет, что одиннадцатая от ворот, французский фальконет прежнего устройства» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 411]. В связи с этим важно еще раз заметить, что подобная пародийность нисколько не означает сниженного отношения самого Достоевского к Карамзину. Достаточно напомнить, что эта же эпитафия по решению братьев М.М. и Ф.М. Достоевских была в 1837 году высечена на могиле их матери, которую они очень любили (см.: [Подосокорский, 2009a, с. 53]).

Наконец нужно отдельно рассмотреть влияние общей концепции истории Карамзина на роман «Идиот». В предисловии к первому тому своего труда Карамзин выделяет три рода истории: «<...> *первая* — современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 135]. В третьей главе первого тома историк также отмечает, что в древности в роли «живых книг опытности и благоразумия» выступали некие «старцы» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 182], через которых устная история отвечала на важные вопросы современности.

Герои «Идиота» интересуются самыми разными периодами российской и всемирной истории, но, наиболее часто, обсуждают современную для Карамзина, но ставшую периодом словесных преданий для них самих эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн, о чем нам уже доводилось не раз писать (см.: [Подосокорский, 2009a], [Подосокорский, 2011], [Подосокорский,

2023a], [Подосокорский, 2023b] и др.). При этом генерал Иволгин в фантастическом рассказе о своей службе Наполеону в Москве 1812 года как бы соединяет воедино все три рода истории, по Карамзину: он представляет себя как живого «очевидца» тех событий, и при этом его история в реальности строится на многочисленных мемуарах действительных участников войны 1812 года (причем с обеих сторон) и исторических «памятниках», запечатлевших то время.

Магистральный для романа Достоевского спор героев о том, что именно следует считать *исторической правдой*, — голые рационалистические и юридические рассуждения и статистические подсчеты (в стиле казуистики Лебедева об антропофагии в средние века [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 312] и книги Шарраса о Ватерлоо, в которой князь Мышкин видит «дух партии» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415]) или сентиментально-романтические истории легендарного характера о великих людях (Наполеоне и Талейране, императоре Генрихе IV и папе Григории VII, Остермане, мадам Дюбарри и проч.), вызывающие у персонажей «Идиота» живой душевный отклик в виде слез, негодования, восторга, желания разделить их участь, помолиться за них Богу и проч., разрешается в пользу точки зрения Карамзина. Последний как раз указывал на то, что историю невозможно постигать без глубокой личной вовлеченности не только ума, но и души в целом: «Историк [Юм], коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы*, *наше,* оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души» [Карамзин, 1998–2009, т. 1, с. 136].

Последняя фраза Карамзина является ключевой и для понимания истории в романе «Идиот», и для христианской антропологии Достоевского в целом.

Список литературы

1. Архипова, 1983 — *Архипова А.В.* Достоевский и Карамзин // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Т. 5. С. 101–112.

2. Архипова, 1997 — *Архипова А.В.* «Александровская эпоха» в интерпретации Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 77–87.

3. Белинский, 1953–1959 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

4. Белов, 2015 — *Белов С.В.* Достоевский и Карамзин // *Белов С.В.* Неподвижно лишь солнце любви. Избранные статьи о жизни и творчестве Федора Михайловича Достоевского. СПб.: ИД «Галина скрипсит», 2015. С. 220–237.

5. Библиотека Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

6. Владиславлев, 1862 — *Владиславлев М.И.* Карамзин. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. Часть I. Спб., 1862. // Время. 1862. Август. Вторая пагинация. С. 1–34.

7. Григорович, 1928 — *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания: с прил. полного текста воспоминаний П.М. Ковалевского / ввод. статья, ред. и прим. В.Л. Комаровича. Л.: Academia, 1928. XXXII, 515 с.

8. Григорьев, 1980 — *Григорьев А.* Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. 439 с.

9. Грот, 1901 — *Грот Я.К.* Труды / изд. под ред. проф. К.Я. Грота. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1903. Т. 3. 329 с.

10. Дмитриев, 1866 — *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева / предисл. М. Дмитриева; общ. прим. сост. М.Н. Лонгиновым. М.: Тип. В. Готье, 1866. 315 с.

11. Достоевская, 2017 — *Достоевская Л.Ф.* Мой отец Федор Достоевский / вступ. статья, общ. ред., примеч. Б.Н. Тихомирова; пер. с фр. Н.Д. Шаховской. М.: БОСЛЕН, 2017. 512 с.

12. Достоевский, 1992 — *Достоевский А.М.* Воспоминания / вступит. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 395 с.

13. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

14. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

15. Дубровский, 2020 — *Дубровский А.М.* С.М. Соловьёв о Н.М. Карамзине // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 3 (20). С. 15–39.

16. Живописный Карамзин, 1836–1844 — Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево: в 3 ч. СПб.: В тип. Х. Гинце и Э. Праца, 1836–1844.

17. Жуковский, 1999– — *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999– (издание продолжается).

18. Ивинский, 2018 – *Ивинский Д.П.* Роман Достоевского «Идиот» и альманах Карамзина «Аглая» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 161–184.

19. Карамзин, 1998–2009 – *Карамзин Н.М.* Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998–2009.

20. Касаткина, 2004 – *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

21. Киносита, 2001 – *Киносита Т.* «Возвышенная печаль судьбы» «Рыцаря бедного» – князя Мышкина // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: сборник работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наследие, 2001. С. 390–404.

22. Козлов, 1989 – *Козлов В.П.* «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989. 224 с.

23. Корбелла, 2023 – *Корбелла К.* Концепт «книга» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 30–54. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-30-54

24. Корбелла, 2024 – *Корбелла К.* «Дон Кихот» М. де Сервантеса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 29–52. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-29-52

25. Летопись, 1999 – Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. / ред.: Н.Ф. Буданова, Г.М. Фридлендер. СПб.: Академический проект, 1999.

26. Лотман, 1997 – *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб.: Искусство–СПБ, 1997. 832 с.

27. Лузянина, 1981 – *Лузянина Л.Н.* Проблемы историзма в творчестве Карамзина – автора «Истории государства Российского» // XVIII век. 1981. Т. 13. С. 156–166.

28. Майков, 1867 – *Майков А.Н.* Карамзин (неоконченное стихотворение) // Русский вестник. 1867. Февраль. Т. 67. С. 501–504.

29. Миллер, 1937–1941 – *Миллер Г.Ф.* История Сибири: в 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1941.

30. Муравьев, 2014 – *Муравьев В.Б.* Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. 479 с.

31. Погодин, 1866 – *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина: в 2 ч. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866.

32. Подосокорский, 2009a – *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: дис. ... канд. филол наук. Великий Новгород, 2009. 177 с.

33. Подосокорский, 2009b – *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновский миф в романе «Идиот»: биография генерала Иволгина // Русская литература, 2009. № 1. С. 145–153.

34. Подосокорский, 2010 – *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 182–191.

35. Подосокорский, 2011 – *Подосокорский Н.Н.* 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы, 2011. № 6. С. 39–71.

36. Подосокорский, 2023a – *Подосокорский Н.Н.* «История» Ф.К. Шлоссера в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 65–77.

37. Подосокорский, 2023b — *Подосокорский Н.Н.* Книга Ж.Б.А. Шарраса Ватерлооско кампании романе Ф.М. Достоевског «Идиот» // Литературны факт. 2023. № 4 (30). С. 128–147. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-128-147

38. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

39. Пыпин, 1906 — *Пыпин А.Н.* Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов: исторические очерки. 3-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1906. 519 с.

40. Рубинштейн, 2008 — *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 938 с.

41. Савельева, 2007 — *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания: Учебное пособие. СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007. 523 с.

42. Сапченко, 2018 — *Сапченко Л.А.* Карамзинские юбилеи в истории и культуре России // Карамзин-писатель: коллективная монография / под ред. Н.Д. Кочетковой, А.Ю. Веселовой, Р. Бодэна. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 308–328.

43. Свердлов, 2018 — *Свердлов М.Б.* История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

44. Семенов-Тян-Шанский, 2019 — *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары: в 5 т. М.: Кучково поле, 2019. Т. 1. Детство и юность. 1827–1855 / вступ. статья и коммент. А.А. Богданова и М.А. Семенова-Тян-Шанского. 560 с.

45. Соловьев, 1988–2000 — *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 (23) кн. М.: Мысль, 1988–2000.

46. Старчевский, 1849 — *Старчевский А.В.* Николай Михайлович Карамзин. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1849. XIII, 280 с.

47. Страхов, 1870 — *Страхов Н.Н.* Вздох на гробе Карамзина. (Письмо в редакцию «Зари») // Заря. 1870. № 10. С. 207–232.

48. Толстой, 2017–2018 — *Толстой А.К.* Полн. собр. соч. и писем: в 5 т. М.: Редакционно-издательский центр «Классика», 2017–2018.

49. Торжество юбилея, 1866 — Торжество юбилея Н.М. Карамзина в С.-Петербурге // Вестник Европы. Журнал историко-политических наук. 1866. Декабрь. Т. IV. Первая пагинация. С. LVII–LXII.

50. Туниманов, 1980 — *Туниманов В.А.* Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф.М. Достоевского // Slavia. 1980. № 4. С. 350–360.

51. Тусичишный, 2013 — *Тусичишный А.* Диалог с Н.М. Карамзиным в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2013. № 30. Ч. I. С. 178–188.

52. Тютчев, 2002–2005 — *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. Письма: в 6 т. М.: Классика, 2002–2005.

53. Федоров, 1986 — *Федоров Г.А.* «Се человек» Яна Мостарта // Этюды о картинах: Сб. статей / под общ. ред. И.Е. Даниловой. М.: Искусство, 1986. С. 55–85.

54. Федоров, 2004 — *Федоров Г.А.* Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / предисл. С.Г. Бочарова, В.Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

55. Чернышева, 2022 — *Чернышева М.А.* Формирование популярной исторической культуры в России. Иллюстрации на сюжеты из отечественной истории в изданиях середины XIX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 351–364.

56. Чернышевский, 1939–1953 — *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Худож. лит., 1939–1953.

57. Шмидт, 2009a — *Шмидт С.О.* Н.М. Карамзин и его «История государства Российского» // *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. Кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. С. 304–344.

58. Шмидт, 2009b — *Шмидт С.О.* «Историа государств Российского» культуре дореволюционно Росси // *Шмидт С.О.* Памятники письменности в культуре познания истории России: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2009. Т. 2. Кн. 1: От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. С. 364–390.

59. Щебальский, 1866 — *Щебальский П.К.* Николай Михайлович Карамзин // Русский вестник. 1866. Ноябрь. Т. 66. С. 191–261.

References

1. Arkhipova, A.V. "Dostoevskii i Karamzin" ["Dostoevsky and Karamzin"]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 5. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 101–112. (In Russ.)

2. Arkhipova, A.V. "'Aleksandrovskaia epokha' v interpretatsii Dostoevskogo" ["The 'Alexandrine Era' in the Interpretation of Dostoevsky"]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 14. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 77–87. (In Russ.)

3. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [*Complete Works: in 13 vols*]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

4. Belov, S.V. "Dostoevskii i Karamzin" ["Dostoevsky and Karamzin"]. Belov, S.V. *Nepodvizhno lish' solntse liubvi. Izbrannye stat'i o zhizni i tvorchestve Fedora Mikhailovicha Dostoevskogo* [*The Only Thing that Does Not Move is the Sun of Love. Selected Articles about the Life and Work of Fyodor Dostoevsky*]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom "Galina skripsit" Publ., 2015, pp. 220–237. (In Russ.)

5. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

6. Vladislavlev, M.I. "Karamzin. Neizdannye sochineniia i perepiska Nikolaia Mikhailovicha Karamzina. Chast' I. Spb., 1862." ["Karamzin. Unpublished Works and Letters of Nikolay Karamzin. First Part. St. Petersburg, 1862"]. *Vremia*, August 1862, secondary pagination, pp. 1—34. (In Russ.)

7. Grigorovich, D.V. *Literaturnye vospominaniia: s pril. polnogo teksta vospominanii P.M. Kovalevskogo* [*Literary Memories: With the Complete Text of P.M. Kovalevsky's Memories*]. Intro. and comm. by V.L. Komarovich. Leningrad, Academia Publ., 1928. XXXII, 515 p. (In Russ.)

8. Grigor'ev, A. *Vospominaniia* [*Memories*]. Comp. by B.F. Egorov. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 439 p. (In Russ.)

9. Grot, Ia.K. *Trudy* [*Works*], vol. 3. Ed. by K.Ia. Grot. St. Petersburg, Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniia (t-va I.N. Kushnerev i K°) Publ., 1903. 329 p. (In Russ.)

10. Dmitriev, I.I. *Vzgliad na moiu zhizn'. Zapiski deistvitel'nogo tainogo sovetnika Ivana Ivanovicha Dmitrieva* [*A Look at My Life. Notes of Actual Privy Councillor Ivan I. Dmitriev*]. Intro. by M. Dmitriev; comm. by M.N. Longinov. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1866. 315 p. (In Russ.)

11. Dostoevskaia, L.F. *Moi otets Fedor Dostoevskii* [*My Father Fyodor Dostoevsky*]. Ed. by B.N. Tikhomirov, trans. from French by N.D. Shakhovskaya. Moscow, BOSLEN Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)

12. Dostoevskii, A.M. *Vospominaniia* [*Memories*]. Intro., comp., comm. by S.V. Belov. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992. 395 p. (In Russ.)

13. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

14. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

15. Dubrovskii, A.M. "S.M. Solov'ev o N.M. Karamzine" ["S.M. Solovyov about N.M. Karamzin"]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, no. 3 (20), 2020, pp. 15–39. (In Russ.)

16. *Zhivopisnyi Karamzin, ili Russkaia istoriia v kartinakh, izdavaemaia Andreem Prevo v 3 ch.* [*Picturesque Karamzin, or Russian History in Pictures, published by Andrey Prevot in 3 parts*]. St. Petersburg, V tipografiiakh Kh. Gintse i E. Pratsa Publ., 1836–1844. (In Russ.)

17. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 20 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 20 vols*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 1999–continuing publication. (In Russ.)

18. Ivinskii, D.P. "Roman Dostoevskogo 'Idiot' i al'manakh Karamzina 'Aglaia'" ["Dostoevsky's Novel *The Idiot* and Karamzin's Almanach *Aglaya*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3, 2018, pp. 161–184. (In Russ.)

19. Karamzin, N.M. *Polnoe sobranie sochinenii v 18 tomakh* [*Complete Works: in 18 vols*]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub Publ., 1998–2009. (In Russ.)

20. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyschem smysle"* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

21. Kinosita, T. "'Vozvyshennaia pechal' sud'by' 'Rytsaria bednogo' — kniazia Myshkina" ["The 'Exalted Sadness' of the Fate of the 'Poor Knight' — Prince Myshkin"]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoianie izucheniia* [*Dostoevsky's Novel* The Idiot*: Current State of Research*]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 390–404. (In Russ.)

22. Kozlov, V.P. *"Istoriia gosudarstva Rossiiskogo" N.M. Karamzina v otsenkakh sovremennikov* [History of the Russian State *by Nikolay Karamzin in the Opinion of Contemporaries*]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 224 p. (In Russ.)

23. Corbella, Caterina. "Kontsept 'kniga' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Concept of 'Book' in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 30–54. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-30-54

24. Corbella, Caterina. "'Don Kikhot' M. de Servantesa v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Cervantes' *Don Quixote* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (26), 2024, pp. 29–52. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-29-52

25. Budanova, N.F., and G.M. Fridlender, eds. *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 tomakh* [*The Chronicle of the Life and Works of Fyodor Dostoevsky in 3 vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (In Russ.)

26. Lotman, Iu.M. *Karamzin* [*Karamzin*]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb Publ., 1997. 832 p. (In Russ.)

27. Luzianina, L.N. "Problemy istorizma v tvorchestve Karamzina — avtora 'Istorii gosudarstva Rossiiskogo'" ["The Problems of Historicism in the Works of Karamzin — the Author of *History of the Russian State*"]. *XVIII vek*, vol. 13, 1981, pp. 156–166. (In Russ.)

28. Maikov, A.N. "Karamzin (neokonchennoe stikhotvorenie)" ["Karamzin (Unfinished Poem)"]. *Russkii vestnik*, vol. 67, February 1867, pp. 501–504. (In Russ.)

29. Miller, G.F. *Istoriia Sibiri v 2 tomakh* [*The History of Siberia in 2 vols*]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1937–1941. (In Russ.)

30. Murav'ev, V.B. *Karamzin* [*Karamzin*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2014. 479 p. (In Russ.)

31. Pogodin, M.P. *Nikolai Mikhailovich Karamzin, po ego sochineniiam, pis'mam i otzyvam sovremennikov: materialy dlia biografii s primechaniiami i ob''iasneniiami M. Pogodina v 2 ch.* [*Nikolai M. Karamzin, Based on His Works, Letters, and the Opinions of Contemporaries: Materials for a Biography with Notes and Explanations by M. Pogodin in 2 Parts*]. Moscow, Tip. A.I. Mamontova Publ., 1866. (In Russ.)

32. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [*The Theme of Napoleon in Fyodor Dostoevsky's Novel* The Idiot*: PhD Dissertation*]. Velikii Novgorod, 2009. 177 p. (In Russ.)

33. Podosokorskii, N.N. "Napoleonskii mif v romane 'Idiot': biografiia generala Ivolgina" ["The Myth of Napoleon in the Novel *The Idiot*: General Ivolgin's Biography"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2009, pp. 145–153. (In Russ.)

34. Podosokorskii, N.N. "Ob istochnikakh rasskaza generala Ivolgina o Napoleone" ["On the Sources of General Ivolgin's Story about Napoleon"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 19. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 182–191. (In Russ.)

35. Podosokorskii, N.N. "1812 god i napoleonovskii mif v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Year 1812 and the Myth of Napoleon in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Voprosy literatury*, no. 6, 2011, pp. 39–71. (In Russ.)

36. Podosokorskii, N.N. "'Istoriia' F.K. Shlossera v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["F.C. Schlosser's *History* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, no. 33, 2023, pp. 65–77. (In Russ.)

37. Podosokorskii, N.N. "Kniga Zh.B.A. Sharrasa o Vaterlooskoi kampanii v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Jean-Baptiste-Adolphe Charras's Book on the Waterloo Campaign in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (30), 2023, pp. 128–147. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-30-128-147

38. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

39. Pypin, A.N. *Kharakteristiki literaturnykh mnenii ot dvadtsatykh do piatidesiatykh godov: istoricheskie ocherki* [*Characteristics of Literary Opinions from the 1820s to the 1850s: Historical Essays*]. 3rd Edition. St. Petersburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1906. 519 p. (In Russ.)

40. Rubinshtein, N.L. *Russkaia istoriografiia* [*Russian Historiography*]. Ed. by A.Iu. Dvornichenko, Iu.V. Krivosheeva, M.V. Mandrik. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2008. 938 p. (In Russ.)

41. Savel'eva, I.M., and A.V. Poletaev. *Teoriia istoricheskogo znaniia: Uchebnoe posobie* [*The Theory of Historical Knowledge: A Textbook*]. St. Petersburg, Aleteiia. Istoricheskaia kniga Publ., 2007. 523 p. (In Russ.)

42. Sapchenko, L.A. "Karamzinskie iubilei v istorii i kul'ture Rossii" ["The Anniversaries of Karamzin in Russian Culture and History"]. Kochetkovaia, N.D., Veselovaia, A.Iu., and R. Bodena, eds. *Karamzin-pisatel': kollektivnaia monografiia* [*Karamzin, the Writer: A Collective Monograph*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2018, pp. 308–328. (In Russ.)

43. Sverdlov, M.B. *Istoriia Rossii v trudakh N.M. Karamzina* [*The History of Russia in the Works of Nikolay Karamzin*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)

44. Semenov-Tian-Shanskii, P.P. *Memuary v 5 tomakh* [*Memoirs in 5 vols*], vol. 1: Detstvo i iunost'. 1827–1855 [Childhood and Young Age. 1827–1855]. Intro. and comm. by A.A. Bogdanov and M.A. Semenov-Tian-Shanskii. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019. 560 p. (In Russ.)

45. Solov'ev, S.M. *Sochineniia v 18 (23) knigakh* [*Works in 18 (23) books*]. Moscow, Mysl' Publ., 1988–2000. (In Russ.)

46. Starchevskii, A.V. *Nikolai Mikhailovich Karamzin* [*Nikolay M. Karamzin*]. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiia Publ., 1849. XIII, 280 p. (In Russ.)

47. Strakhov, N.N. "Vzdokh na grobe Karamzina. (Pis'mo v redaktsiiu 'Zari')" ["A Sigh at the Grave of Karamzin. (A Letter to the Editorial Office of 'Zaria')"]. *Zaria*, no. 10, 1870, pp. 207–232. (In Russ.)

48. Tolstoi, A.K. *Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma v 5 tomakh* [*Complete Works and Letters in 5 vols*]. Moscow, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr "Klassika" Publ., 2017–2018. (In Russ.)

49. "Torzhestvo iubileia N.M. Karamzina v S.-Peterburge" ["The Celebration of Nikolay Karamzin's Anniversary in St. Petersburg"]. *Vestnik Evropy. Zhurnal istoriko-politicheskikh nauk*, vol. IV, December 1866, first pagination, pp. LVII–LXII. (In Russ.)

50. Tunimanov, V.A. "Otgoloski deviatogo toma 'Istorii gosudarstva Rossiiskogo' v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["Echos from the Ninth Volume of *History of the Russian State* in Dostoevsky's Works"]. *Slavia*, no. 4, 1980, pp. 350–360. (In Russ.)

51. Tusichishnyi, A. "Dialog s N.M. Karamzinym v romane 'Idiot'" ["The Dialogue with Nikolay Karamzin in the Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 3, part I, 2013, pp. 178–188. (In Russ.)

52. Tiutchev, F.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 tomakh* [*Collected Works. Letters: in 6 vols*]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr "Klassika" Publ., 2002–2005. (In Russ.)

53. Fedorov, G.A. "'Se chelovek' Iana Mostarta" ["'Ecce Homo' by Jan Mostaert"]. Danilovaia, I.E., editor. *Etiudy o kartinakh: Sbornik statei* [*Studies on Paintings: Collected Articles*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 55–85. (In Russ.)

54. Fedorov, G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [*Dostoevsky's World in Moscow. From the History of Russian Artistic Culture of the 20th Century*]. Intro. by S.G. Bocharov, V.N. Toporov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)

55. Chernysheva, M.A. "Formirovanie populiarnoi istoricheskoi kul'tury v Rossii. Illiustratsii na siuzhety iz otechestvennoi istorii v izdaniiakh serediny XIX veka" ["The Formation of Popular

Historical Culture in Russia. Illustrations on Themes from National History in Mid-19th Century Publications”]. *Aktual’nye problemy teorii i istorii iskusstva*, vol. 12, 2022, pp. 351–364. (In Russ.)

56. Chernyshevskii, N.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [*Complete Works: in 16 vols*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1939–1953. (In Russ.)

57. Shmidt, S.O. “N.M. Karamzin i ego ‘Istoriia gosudarstva Rossiiskogo’” [“Nikolay Karamzin and His *History of the Russian State*”]. Shmidt, S.O. *Pamiatniki pis’mennosti v kul’ture poznaniia istorii Rossii v 2 tomakh* [*Monuments of Writing in the Culture of Understanding Russian History in 2 vols*], vol. 2, book 1: Ot Karamzina do “arbatstva” Okudzhavy [From Karamzin to Okudzhava’s “arbatstvo”]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 2009, pp. 304–344. (In Russ.)

58. Shmidt, S.O. “‘Istoriia gosudarstva Rossiiskogo’ v kul’ture dorevoliutsionnoi Rossii” [“*History of the Russian State* in Pre-Revolutionary Russia”]. Shmidt, S.O. *Pamiatniki pis’mennosti v kul’ture poznaniia istorii Rossii v 2 tomakh* [*Monuments of Writing in the Culture of Understanding Russian History in 2 vols*], vol. 2, book 1: Ot Karamzina do “arbatstva” Okudzhavy [From Karamzin to Okudzhava’s “arbatstvo”]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul’tur Publ., 2009, pp. 364–390. (In Russ.)

59. Shchebal’skii, P.K. “Nikolai Mikhailovich Karamzin” [“Nikolay M. Karamzin”]. *Russkii vestnik*, vol. 66, November 1866, pp. 191–261. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 08.06.2024
Одобрена после рецензирования: 21.08.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 08 June 2024
Approved after reviewing: 21 Aug. 2024
Date of publication: 25 Sept. 2024